

РАСКАЗЫ

ГОРГИЙ

Розги софистики. Утро седьмого скирофориона (21 июня) четвертого года 92-й Олимпиады (408 г. до н. э.) началось на заднем дворе дома знаменитого софиста Горгия с порки его нерадивого ученика. Афины пробудились в то утро от вопля, которого розга извлекала из терзаемой плоти провинившегося студияозуса:

— Мы для чего тебя к нему посылали? — сердито спрашивал Горгий своего ученика, ловко орудуя розгой по его пятой точке. — Ты чего нам принес? Описание их оргий? Нас не интересует, сколько гетер было у них этой ночью! Нас интересует, о чем они там говорили... Шпионить — великое и очень деликатное искусство! — объяснял софист, другим ученикам, присутствовавшим при этом увлекательном учебном процессе. — Если вы не будете знать, о чем думает ваш противник, вы заведомо уступаете ему в стратегии и по незнанию совершаете ошибки в тактике... Учитесь добывать стратегически важную информацию даже и из навозной кучи, которая лежит возле дверей дома вашего врага... Учитесь! — Он нравоучительно потряс розгой. — Иначе жизнь сама вас будет учить, но уже более кровавыми средствами воспитания...

Истязаемый скулил, стиснув зубы, и проклинал тот день и час, когда отец отдал его в учение к этому садисту.

— Пороть студента, — многозначительно изрек Горгий, завершая свою задушевную экзекуцию, — первейшая обязанность всякого уважающего себя наставника. Иначе что это будет за учеба?!

Наказуемый, всхлипывая от боли, обещал более не тупить.

— Тупица! — в сердцах изрек софист. — Ну, как с такими работать?! Ты перевоспитанию не подлежишь! — вынес он ему окончательный и бесповоротный приговор. — Пошел с глаз вон и более здесь не появляйся...

Горгий был известный в Афинах учителем красноречия, которого все почитали схоластом (то есть учителем) мудрости. Дело его процветало. Богатые граждане славного города Афин охотно шли к нему в обучение и платили за это немалые деньги. Но с некоторых пор у него появился опасный соперник, конкурент. Некто по имени Сократ начал наводить тень на его плетень. Простой афинский каменщик — неотесанный мужлан. Ни с того ни с сего возомнил себя тоже мудрецом. Точнее, таковым провозгласили его некоторые сторонники. По его глубокому убеждению, бездарный стратег, но отменный болтун, сумевший переманить к себе уже некоторых его богатых клиентов. Опасаясь вообще остаться без своей состоятельной клиентуры, Горгий решил предпринять ряд контршагов.

Вот уже в который раз он подсылал к нему своих учеников, чтобы те подслушали и записали, о чем на своих посиделках болтают Сократ и его собутыльники,

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук. Живет в Астрахани.

и всякий раз терпел неудачу. Писать-то ученики его могли, а вот понять того, что они пишут, нет. На очереди был девятый лазутчик — девятнадцатилетний Аристокл, сын Аристонна из царского рода кодридов. Все время экзекуции он стоял рядом, равнодушно взирая на происходящую порку. Даже не моргнул. Оно и понятно — спортсмен, готовится к Олимпиаде по кулачному бою. Парень крепкий и не из пугливых... Железные нервы, стальной характер...

«Мальчишка вроде бы с мозгами... — думал про него софист, исподволь все это время наблюдая за ним. — Если их, конечно, уже не отбили в кулачном бою в палестре...»

Он бросил на землю принесенный учеником папирус с записями прошедшей ночи в доме Алкивиада, где Сократ и его узкий круг единомышленников проводили свое очередное собрание, и безжалостно растоптал принесенную чужь ногами:

— Ну что, Аристокл Аристоннович!? — снисходительным тоном, приобняв его за плечо, обратился к юноше Горгий. — Твой теперь черед... Пойдешь ты. И запомни: нам нужно не описание яств их застолья, и не имена гетер, и сколько кто там выпил... Нам нужны их Идеи! Запомни — Идеи! — Палец софиста уперся в лоб юноши. — Повтори, что ты понял!

— Идеи! — повторил Аристокл и отправился к себе домой собираться на вечернее тайное задание.

Тайный агент софистики. Для исполнения своей особой миссии юноша нарядился в черный плащ, взял чернильницу, охалку папируса и секретный фонарь, без которого и сегодня не может обойтись ни один тайный агент. После этого он отправился в дом поэта-трагика Агафона, сына Тисамена, где в этот вечер должна была состояться очередная посиделка этого конкурирующего интеллектуального клуба.

Подкупив за медный грош домашнюю прислугу, он пробрался в ту залу, где намечался пир, и спрятался под массивный дубовый стол, на котором слуги обычно ставили яства, прежде чем их подавать гостям. С этой точки хорошо просматривались ложа, на которых обычно возлежали пирующие, и маленький банкетный столик, на котором уже стояли приготовленные фрукты и потиры (чаши). Поскольку слуги были им подкуплены, то удара в спину от них он не ожидал:

— Запишу идеи, а гетеры потом! — настраивал себя на конкретный деловой лад Аристокл, чувствуя, как его копчик начинает ныть в предчувствии скорой встречи с розгой софистики. Ему пришли на умы слова его схоларха: «Принесешь правильные идеи — тебя будут ожидать розы софистики, приволочешь глупость — розги схоластики».

Ждать пришлось недолго. Вскоре явились главные участники тайных для софистов собраний. Многих участников симпозиума (пира) он знал лично: Алкивиад, Аполлодор Фалерский, Феникс, сын Филиппа, сам хозяин дома и последний — Сократ. Был еще какой-то суетливый тип, похожий на шелудивую собаку, который, вбежав в залу, сразу же заглянул к нему под стол и затряс своей лохматой мордой.

— Кто ты и что тут делаешь?! — завыл он ему прямо в ухо и сам, получив от него в ответ щелчок по носу, завыл и отлетел куда-то в сторону.

Хамоватый подонок плюнул ему прямо в лицо и поспешил доносить Сократу о том, что очередной шпион Горгия опять сидит под заветным кухонным столом.

— Да пусть себе там сидит, — отмахнулся от него Сократ, кому он там мешает? Надо будет в следующий раз самого Горгия сюда пригласить, а то его соглядатаи бог знает что о нас пишут!

— Так что, может быть, нам пригласить его сюда за стол! — возмутился хам.

— Нет, пусть остается там, раз он сам себе выбрал такое место... Не будем создавать ему проблем. Ведь он сюда пришел не для отдыха, для работы... — Лохматый стал визжать и возмущаться. — Хорошо! — успокоил его Сократ. — Иди и покусай его...

— Он дерется! — пугливо возразил лохматый, почесывая свой ушибленный нос.

— Тогда сядь и заткнись... — велел ему Сократ. — А то поколочу тебя опять палкой... — и, обратившись к остальным, добавил: — Наши конкуренты пришли в отчаяние. Уже восьмого молодца розгами высекли за нерадивость. Я бы добавил ему и от себя. Ну, в самом деле, такую глупость о нас писать! — Аристокл увидел, как он бросил на пол свиток папируса, который утром гневно топтал его учитель-софист.

«Ничего ни от кого нельзя на этом свете утаить! — подумалось юноше. — Все всё равно узнают, но только не так, как это было на самом деле».

— Давайте поможем нашему сегодняшнему «слухачу» избежать обещанных ему розг, — предложил Сократ. — Будем говорить просто и медленно, чтобы он смог успеть за нами все записывать. Право, мне самому хочется, чтобы хоть кто-то хотя бы раз нас правильно записал... Итак, на чем мы остановились в прошлый раз?

Выяснилось, что вчера они остановились на кипрском вине, поэтому все скверно помнили о том, что они обсуждали.

— А я помню! — пристыдил их всех Сократ. — Потому что единственный среди вас никогда не пьянею.

— А я сегодня вообще пить не буду, — категорически заявил Аквивиад, — потому что еду завтра рано утром в Мегары для заключения важнейшей торговой сделки...

— Да, и я тоже не буду пить, — поддержал его трезвость и Феникс. — У меня завтра свадьба, и я должен быть у невесты свежим и без перегара...

— Отлично! — не стал их переубеждать Сократ. — Завтра нас всех, кроме Алкивиада, ожидает еще и свадебный пир! А сегодня будем пить без вас двоих... Кстати, — обратился Сократ к Аристоклу, нагнувшись к нему, — это можно не записывать. Это еще не философия...

«Розы и розги». Аристокл в сердцах плюнул и начал поспешно вычеркивать первые строчки своих скрижалей.

— Итак, мы говорили о совершенстве и гармонии, — неторопливо начал Сократ. — О том, что мир совершенен, свидетельствуют сама гармония Космоса и совершенство наших богов... Совершенство есть то, в чем творчество достигает своего абсолюта, показав всем предел возможного, высшего качества, самое лучшее из лучшего. Кто стремится к совершенству, тот знает цену качеству...

Как добросовестный студент, Аристокл жадно ловил и скрупулезно записывал каждое его слово, стараясь ничего не пропустить и не напутать. Он заметил, что каждую четверть часа докладчик останавливал свою речь и с возгласом «Хорошие люди посидят, посидят, да и выпьют» предлагал какой-нибудь тост. И они вкушали вино, даже и те, кто вначале обещал вести совершенно трезвый вечерний образ жизни.

— Э, так дело не пойдет! — заметив одну трезвую голову в их комнате, засмеялся Сократ. — Налейте и этому писателю! — Он кивнул в сторону студента. — А то это будет несправедливо. Эй ты, лохматый! — обратился он к притихшему было хаму. — Отнеси вина студенту... Быть писателем на трезвую голову в наш век невозможно... — по-доброму пошутил он.

Аристокл отхлебнул из поднесенной ему чаши вина и продолжил свои торопливые записи. Он уже понял, что «сократовский клуб» отличался дружелюбным настроением и каким-то своим тонким чувством юмора. Он уже знал, что никто за шпионаж тут бить ему его шпионскую морду не будет. Глоток вина придал ему силы, и он продолжил конспектировать материалы симпозиума.

«Если истина в вине, — параллельно думалось ему, — то это как раз именно тот самый случай. Философия вина состоит в том, чтобы своевременно принять этот допинг и вовремя остановиться от его злоупотребления, когда оно начинает

дурманить ум. Знай меру. Проклято не вино, а пьянство... — Писарь зевнул и почесал себе репу. — За такие каракули, — взглянул он на свою писанину, — меня должны на кол посадить...»

— Вино не виновато в том, что человек, не зная в нем меры, становится пьяницей, — продолжил Сократ. — Вино придумали боги, чтобы приблизить им к себе людей, ибо вино — частичный аналог их амброзии и нектара, а человек — частичный аналог самих богов, ведь они творили их по своему образу и подобию.

Мысль о грозящем наказании его плоти придала бодрость его духу: юноша надеялся напрячь ум, записать правильно все идеи и с победой вернуться к своему учителю.

«Так, ну и где же эти самые идеи? — Напряг он весь свой ум, пытаюсь превратить его в интеллект. — Похоже, что они их от меня упорно скрывают».

Он тогда еще не знал, что стоящие Идеи рождаются в страшных муках творчества, но уже догадывался о том, что ворочать мозгами гораздо труднее, чем гириями в гимнастическом зале.

Все началось с того, что во время одной из тренировок он повредил себе плечо и тренер по кулачному бою сказал, что на его спортивной карьере олимпиец можно ставить жирный крест. Тогда Аристокл решил заняться филологией и прославиться на драматургическом поприще. Но старик Софокл, которому он показал свое первое сценическое произведение, изрек, что ему не хватает «правды жизни», и послал его пойти учиться к софистам. Методика последних была ясна и проста — плати за учебу, а за нерадивость — получай розги. Так что розы софистики изобильно перемешивались с розгами схоластики, о чем юному уму постоянно напоминала его пятая точка. И Аристокл понял, что выгодно быть софистом — получать деньги за порку дураков.

Два пути. Когда симпозиум перевалил за полночь, речь зашла о спорте и о предстоящих через десять дней (1 июля) 93-х Олимпийских играх, куда кое-кто из собравшихся намеревался поехать. Особенно всех интересовал панкратион (кулачный бой), в котором должен был принять участие гигант из Скотусса (Фессалия) по имени Полидам, по слухам, голыми руками убивший льва и во время сражения (из гуманных соображений) дравшийся без оружия.

«Такой может кому угодно и пасть порвать! — чуть было не воскликнул под столом тайный агент софистов, сам изрядно тренировавшийся в этом олимпийском виде спорта. — И что можно сделать с человеком, — обреченно добавил он к своим размышлениям, — который останавливает колесницы на полном ходу...»

— Мальчики! — услышал он голос вошедшей к ним в залу городской гетеры. — Хватит вам тут словоблудием заниматься. Пора заняться делом, — предложила она, сексуально скидывая с себя полупрозрачную тунику.

«Так! Я ею не занимаюсь! Она мне не нужна! — сам себе напоминал Аристокл, стараясь даже не глядеть в ее сторону. — Бордель, как пить дать, бордель!!!» — Все-таки не удержавшись и взглянув на нее, покачал он головой.

— Опять ты за свое паскудство! — поморщился Сократ. — Отдыхай, нам сегодня не до оргий... Мы заняты любовью с мудростью...

— Да стоит мне бедрами повести или грудями поманить, как все же тотчас пойдут за мной! — высокомерно возразила ему продажная красавица.

— Все так... — согласился Сократ. — Но только ты поведешь их по легкому пути, который ведет вниз, а я веду их по сложному пути, который ведет вверх... твой путь — путь грехопадения, мой путь — путь богоуподобления, ибо философы — друзья бога...

«А никак нельзя, — подумалось Аристоклу, — чтобы и вверх подняться, и вниз по-быстренькому сбегать...»

— Я предвосхищу ваш вопрос, как совместить одно с другим, — словно услышав его потаенные мысли, продолжал Сократ. — Пробовал... — честно признался философ. — И понял, что только великому мудрецу удается совместить оба этих пути...

Какофония. Хлебнув вина, шпион софистики продолжил усердно скрипеть своим пером, уже более не вдаваясь в подробности текущей беседы. А наверху между тем разгорался ожесточенный спор, перерастая в самую настоящую какофонию. Все кричали, горячились и даже не стеснялись в выражениях. В ушах воцарился гул, в мозгах — хаос. Ум заходил за разум и со скрипом проворачивался, но интеллект из него все так и не вылезал. Аристокл зажмурился и подумал: «Куда это я попал?!»

— Помедленнее, пожалуйста! — вконец оборзев, обратился он к собравшимся в нарушение всех канонов шпионского этикета (при этом совершенно не замечая своего заплетающегося языка). — Я же записываю...

— В самом деле... — попытался уговорить спорящих Сократ. — Не будем превращать наш благородный симпозиум в банальную попойку! Вернемся лучше к сути и подведем предварительный итог. Иначе наш друг софист завтра вновь возьмется за розги, и в том уже будет наша вина. Я его завтра сам приглашу сюда, и посмотрим тогда, кого он будет пороть на другой день. Так выпьем же за мозоли истины! — предложил свой очередной тост Сократ. — У одних, как у нашего друга софиста, они образуются у заднего прохода в виде геморроя, у других, как у Пифагора — в мозгах, а у иных, как мы, в пузах от выпитого вина...

В продолжение последующих двух часов спорщики обсудили свое уже состоявшееся грехопадение с указанной выше гетерой и перспективу своего возрождения под чутким оком Сократа. А подъем к сияющим высотам разума всегда идет через спотыкание о простую житейскую глупость. Причем самого главного спорщика не было слышно, хотя Аристокл и видел, как он сидел, откинувшись на подушки, и снисходительно кивал всем говорящим. В конце концов спорщики чуть было не подрались и решили свалить всю вину на гетеру и с позором изгнать ее со своего философского собрания. Любовь к мудрости с помощью философии вина одолела их пристрастия к плотским наслаждениям.

— Стареем мы, братцы, стареем! — изрек кто-то из спорщиков. — А раньше бы мы этих гетер дюжинами за ночь одолевали! Эх, было ведь времечко! Так выпьем же за...

— А мне сейчас дивный сон приснился — пробудившись, поспешил поделиться своими впечатлениями с друзьями Сократ. — Будто я держу на коленях лебеденка, а тот вдруг покрылся перьями и взлетел с дивным криком...

В ответ ему раздался дружный храп его собеседников. Событыльники мирно спали, утомленные вином и отягощенные мудростью философского наставления своего идейного предводителя.

— Слабаки! — снисходительно отругал их Сократ. — Вот я, сколько бы ни пил, никогда не пьянею... Однако уже светает. Эй ты, как тебя! — обратился он к Аристоклу. — Вылезай из своего убежища и дай мне почитать, что ты там нацарапал...

Софистика роз. Шпион послушно вылез из своего убежища и протянул старику заляпанный кляксами папирус.

— Последние два часа трудно было что-либо разобрать! — словно оправдываясь за свои наброски, сказал он. — Стояла жуткая какофония.

— Оно и понятно, что записывать пьяный бред, когда кормчий уснул... — снисходительно улыбнулся ему в ответ Сократ. — Ты, это, сынок, выбрось... — указав на его записки, посоветовал он ему. — Не позорься. А лучше ступай к Горгию и приготовь свой зад для порки...

— Я к нему больше не вернусь. — решил Аристокл.

— Это еще почему?

— В твоих словах больше правды, чем в его софистике Истин. А самое главное я так и не понял, в чем же состоит суть Идеи, о которой говорилось на прошлом симпозиуме...

— Друг мой, — покровительственным тоном обратился к нему Сократ, наливая сам себе неразбавленного вина. — Идеи сами по себе к человеку не приходят. Случайно забредшие, они сами вскоре понимают, что не туда зашли, и покидают то место, ища более для себя подходящее... Садись и пиши. Будет потом что схолярху показать, — велел ему классик, кладя перед ним чистый клочок папируса. — Итак, пиши... Идея — суть нашего бытия. Она есть логически завершенная и содержащая Истину мысль, которая способна не просто к дальнейшему своему развитию (само-совершенствованию), но и к воплощению в вещах, делах и иных идеях. Идеи — дети Логоса. Идеи не могут быть ни прилагательными, ни суффиксами, ни глаголами, а лишь существительными, ибо они отражают сущность бытия. Идеи руководят нами, как кормчий кораблем. Внутри каждого из нас находится своя система знаний, которая является суммой конкретных идей, имеющих для нас определенную ценность. Они записываются в нашем логосе на скрижалях его жизни.

Выяснилось, что Сократ скептически относится к всезнайству и считает дилетантов носителями заблуждения, «кузнечиками».

— Я понимаю софистов, — признался он. — Они считают себя кончеными мудрецами. Но что такое завершенная мудрость, как не замаскированная глупость, возомнившая себя совершенным знанием?! Вот я точно знаю, что ничего не знаю, а некоторые не знают даже и этого. Софисты точно знают, что все знают. И это уже их диагноз. Знать все — значит быть образованным дилетантом. «Все» — это приблизительно сколько? Есть идея мудрости и демон глупости. Самые главные софисты — это не старики, а дети, ибо они совсем недавно созерцали мир Идеи и пытаются своим криком всем об этом рассказать. Взрослые же не разбирая их крика, ничего не понимают и думают, что имеют полное право их поучать.

Аристокл вспомнил своего недавно народившегося племянника. Действительно — самое крикливое существо на свете, от воплей которого у него постоянно болела голова и ныли нервы коренных зубов.

«Такой достанет кого угодно... — подумалось ему. — Вот кого мне надо было слушать, а не этого старикашку Горгия...»

— Э! За нашим разговором мы и не заметили, как уже зорька заиграла на востоке! — спохватился Сократ. — У нас, кажется, кто-то сегодня должен был ехать в Мегары, — вспомнил он.

— Совершенно верно... — согласился с ним Аристокл. — Я это тоже помню. Я даже записал кто, куда и зачем, но вы, учитель, мои все записи порвали.

— Э! Зачем они тебе, когда у тебя есть я?! Помоги мне этого борова поднять... — попросил Сократ юношу. — Это Феникс, сын Филиппа. У него сегодня свадьба, на которую он едет в Мегары... Слуги, видать уже давно его ожидают у дверей дома. Поможем другу успеть на свое счастье. Иначе он нам этого опоздания вовек не простит.

Добрряки. Аристокл взвалил себе на плечи завернутое в плащ бесчувственное тело Феникса и отнес его к дверям, где действительно его уже ждали слуги и лошади.

— Выпьем за сделанное доброе дело! — предложил Сократ, когда он вернулся в дом. — Хорошо начинать день с доброго дела.

— Так сделай добро и для меня! — Объявился из забвения лохматый хам. — Возьми меня к себе в ученики. Я буду тебе верным псом...

— Вот приставучий! — поморщился Сократ. — Уже неделю бегаешь за мной, как собачонка, и не даешь проходу... У тебя есть деньги? — обратился он к Аристоклу. Тот

утвердительно кивнул головой, доставая откуда-то кошелек. — Отдай ему, и пусть он убирается к софистам. За эти деньги они тебя научат всему, что ты пожелаешь.

Нищий взял кошелек, обляял на прощание благим матом своих благодетелей и, прихватив незаметно с собой папирусы Аристокла, выбежал прочь из дому.

— Вот собака («киник»)! — выругался Аристокл. — Киник, ей-ей, киник!

— А у тебя широкая душа! — похвалил его Сократ. — Взять и вот так первому встречному отдать свои деньги, особенно такому, как этот позорный пес из Синопа. Ты в курсе, что он у себя на родине сидел в тюрьме за фальшивомонетчество, объявив, что это боги посоветовали ему (казенному меняле) произвести переоценку всех его ценностей. — Сократ рассмеялся. — Глупец! Он считает главной ценностью деньги... Так выпьем же за творчество! — предложил мудрец. — А ты все-таки сходи к своему софисту, разберись с ним. А если действительно надумал быть с нами, то сегодня приходи на свадьбу Феникса, мы у него будем проводить следующий наш симпозиум. Там об идеях и поговорим...

Аристокл проводил до дома своего нового знакомого, который по дороге успел еще раз на ходу уснуть, проснуться и рассказать анекдот о Гомере и Гераклите. У дверей его хижины их грозой встретила его склочная жена со скалкой в руках:

— Явился, голубчик! Опять напился как скотина! — Скалкой огрела она мужа. — В доме ни крошки, а он ходит по гостям!

— Это моя Ксантиппа — Успел представить Аристоклу свою супружницу философ. — Самая вздорная баба на свете...

— Так разведись!

— Нельзя. Она воспитывает мою гордость. Именно она и сделала меня философом.

— Лучше бы ты пошел в софисты! — продолжая ворчать женщина, затаскивая мужа в дом. — Те хоть деньги домой приносят, а ты прешь один перегар...

— Так качественный перегар — воспоминание о благородном напитке... — попробовал отшутиться философ. Но был бит «железным аргументом» кухонной скалки.

По дороге домой у городского рынка Аристокл столкнулся с Горгием, вокруг которого суетливо прыгал лохматый хам (Киник) и что-то нашептывал ему на ухо.

— А! Вот ты где! — С кулаками набросился на Аристокла софист. — Я зачем тебя туда посылал? А ты с ним вино, значит, пил! Снюхался, значит! Предатель!

Аристокл выдохнул из себя дух гнева, схватил софиста за грудки и, приподняв, засунул его вниз головой в ближайшую навозную кучу. Тот даже и охнуть не успел. Зато взвизгнул от ужаса Киник и присел, словно всегда здесь и сидел.

— Все! Решено! — решил Аристокл. — С этой навозной кучей покончено. Буду заниматься философией вина! — Он расправил свои могучие плечи. — Идея и душе полезно, и пищеварение улучшает...

«Философия правильного вина». И он решительно направился к себе домой с твердым намерением как следует выспаться и со свежей головой явиться на следующий сократический симпозиум, дабы там набраться истинного вина его философской мудрости.

«Философия вина, — засыпая, сладостно размышлял он, — основана на чувстве меры, дающей нам правильный средний путь. Пить надо, зная меру. Без этого ты просто зверь, имеющий память. Вот Киник ни в чем меры не знает. Поэтому его собакой и кличут... Вино, как считали наши древние предки, дар богов. — продолжил он уже свои рассуждения во сне. — У Сократа как пьяницы с многолетним стажем была своя формула любви к мудрости. На ум пришли его слова, произнесенные в недавней беседе: „Вино — прекрасный реактив. В нем обнаруживается весь человек: кто скот, тот в вине станет совершенной скотиной, а кто человек, тот станет выше человека“. Многолетний опыт философского употребления вина делает его мне-

ние особенно авторитетным. Это целая диалектика вина: одно и то же вино может быть правильным и неправильным напитком. Все зависит от того, как и зачем мы его употребляем. Синопская собака лакает вино без меры, лишь бы напиться вусмерть. Любовь к мудрости касается лишь тех, кто знает меру. У каждого она своя. Но знать свою меру и следовать ей — первейший долг всякого, кто подступает к мудрости с любовью...»

Уже в глубокой фазе сна он вспомнил тосты, произносимые его новым знакомцем, и они у него сами собой улеглись в некую систему:

- (1) Первый тост: За нас, за Любовь (Мы есть Любовь).
- (2) За тех, кто знает истинную цену вина.
- (3) За Сократа — мудреца вина, открывшего нам его философскую силу.
- (4) За Идею (при этом во время пира необходимо родить какую-либо идею).
- (5) За Истину (куда же без нее, родимой?!).
- (6) За Красоту (она спасает мир).
- (7) За Добро (оно оберегает красоту от поругания).
- (8) За Совесть (дабы ее никогда не пропить).
- (9) За Творчество (чтобы оно никогда не иссякало).
- (10) За Абсолют (качество/элитность).
- (11) За детей (как возврат к истокам, то есть к нам, а мы есть Любовь).

— Н... да... При такой постановке вопроса, — сделал вывод юноша, — мы как нация никогда не сопьемся. Главное — соблюдать философский подход. Этот перечень тостов поддерживает пир в философском русле и не позволяет ему скатиться до уровня банального застолья...

Р. С. История эта завершается тем, что софист Горгий, прогнав всех своих учеников, у себя на заднем дворе хлестал сам себя розгами, а ушедший от Сократа Киник туповато подавал ему новые розги, когда ломались старые, и нудно напрашивался к нему в ученики...

ВИСЕЛЬНИКИ СТРАШНОГО СУДА

В нашем мире нет совершенства. Даже самая распрекрасная из принцесс иногда пукает и регулярно ходит в туалет. Но в отличие от таких принцесс он был идеальным правителем — совершенным диктатором. Он — вождь всех времен и народов! Отец Отечества! Генералиссимус и гений. Святая икона современности! В этом никто, кроме него самого, в его стране давно уже не сомневался. У него же сомнения возникали всякий раз, когда он сталкивался с совестью. Поэтому он старался не замечать ее, и с годами она все реже и реже стала ему о себе напоминать. Когда совесть поняла, что ей до него не достучаться, она прибегла к хитрости — стала являться ему во сне. Он не был суеверным человеком. Сон разума ослабеваешь вожжи, которыми диктатор сдерживает власть совести.

То, что ему примерещилось в тот раз во сне, явилось ему уже под самое утро. Явилось и, как железные клещи, схватило за горло, затруднив дыхание.

Ему привиделся горящий Берлин, и гигантское пламя, словно красный стяг победы, колыхался над руинами поверженной нацистской столицы. На его голове возникла тяжелая шапка Мономаха, и Пушкин голосом Бориса Годунова бросил ему в лицо упрек: «Ну, что? Тяжела все-таки шапка Мономаха?!» — «Ой, как тяжела!» — застонала прибитая грузом абсолютной власти его разума раздавленная им совесть. Горящие руины Берлина рушились и превращались в кровавый прах — то, что для одних статистика, для других — трагедия.

Шапка медленно сползла по его лицу и обернулась удавкой, тугая петля которой обвилась вокруг его горла и сдавила его. Он всем телом ощутил, как повис на ней и как грехи тяжелыми, многопудовыми гирями обрушались на его больные ноги, растягивая их до самой могилы.

Вися над могилой, он болтался теперь в петле истории, не в силах что-либо сделать. Ужас, животный ужас охватил все его диктаторское нутро. Ведь и диктаторам тоже надо когда-то кого-нибудь бояться! Мрак отчаяния заглянул ему в душу и нашел там притаившийся ужас одиночества.

— Но нет! Я не одинок! — Мелькнула в его мозгу спасительная мысль. — Кто это тут рядом болтается в такой же петле и брыкает ножками? — Он попытался разглядеть крысиную соседскую морду и не смог. Тот сам проявил себя и обозвался всем ненавистным и до рвоты противным именем: «Гитлер»!

— И ты здесь!

— Да, куда ж я без тебя?

— Что? Неужто ты наконец-то сдох?! Ни разу еще мне не снился! — догадался первый висельник.

— Да, сегодня... Можно сказать, только что... Вот решил первым тебя навестить... Ты виноват! Ты — мой убийца! Но в аду мы будем вместе болтаться в геенне огненной.

— Тогда не скучай... Подожди, и мой черед не за горами... А это кто там внизу копошится возле кострища и дрова подкладывает? — Разглядел во тьме сновидения еще одну фигуру диктатор. — Ба! Уинстон! И ты здесь, хряк пузатый!

— Я же говорю, все здесь будем, только одни в виде «мяса», другие в виде «поваров»... — напомнила ему берлинская крыса.

В висках у диктатора болезненно застучала неприятная идея: «Что делает совесть с человеком?! Она делает из него человека...»

Нацист высвободил шею из петли и проворно нырнул в какую-то крысиную нору.

«Меня хочет подставить! — догадался первый висельник. — Хочет избежать наказания! Не выйдет!» — Он схватил убегающего за хвост и подтащил к себе. — Врешь! Не уйдешь! — повторил он уже для него, обвиняя его длинный хвост вокруг его же крысиного горла. — Куда? Вместе грешили, висеть теперь вместе тоже будем...

— Ты старше, ты и главней! — заверещал трусливо крысеныш. — Я с тебя во всем брал пример! Наша с тобою свара для него спасение... — Обратил он его внимание на пузатого демона, уже раздувающего под ними адский огонь лжи «холодной войны». — Ты больше его бойся, а не меня. Я хотел тебя всего лишь убить, а он желает из тебя сделать политическую проститутку...

Диктатор пнул своим копытом по англосаксонскому темечку.

— А ведь дойч не брешет. Этот бес куда опаснее предыдущего...

У висельников одна петля истории, в которой они болтаются по воле уже не контролируемых ими историков. Петля одна, но шея у каждого ведь своя.

— Подрыгай ножками, — посоветовал нацистской крысе его красный собрат. — Может, полегчает... Единственное, что мы можем сделать, — посоветовал он нацисту, — так это нагадить сверху на плешь этого мерзавца.

Они машинально взглянули вниз и, не сговариваясь, начали на него, как только могли, гадить. Было весело. Оказывается, и повешенным можно, если захотеть, придумать себе весьма приятные развлечения.

— Хоть напоследок душу отвели! — признался берлинский весельчак. — А ему все нипочем. Ему дерьмо в глаза, а он говорит, что это утренняя роса... Вот у кого следовало учиться цинизму и лицемерию!

— И то дело... Столько дерьма еще друг на друга вылить предстоит... — согласился кремлевский висельник.

— Нет, ну как не крути, а виселица — это надежно! — Попробовал на прочность свою веревку главный нацист. — Виселица — это высоко. Вы только не подумайте меня превратно, что я прославляю виселицу... — Поправил он у себя на шее пеньковый галстук. — Вам, коммунякам, все равно, поскольку вы за равенство. А нам нацистам нет. Нам подавай все самое лучшее, ибо мы самые-пресамые. Согласитесь, коллега, — одно дело утонуть, захлебнувшись навозом на скотном дворе, и совсем другое дело быть повешенным, например, на арке Эйфелевой башне... Эйфелева башня — это красиво! Вы бывали в Париже? Нет! Очень, очень жаль. Рекомендую... А я вот бывал... На своих танках в нем катался... Так себе... Подыхать ради этой старой б... Я вас умоляю! Не стоит! У вас, случайно, нет Эйфелевой башни? — суетливо осведомился нацист у коммуниста. — А то этот скот, — он указал своим копытом вниз, — нас может утянуть на свой скотный двор... Лыбится! Я эту его улыбку знаю. Я его теперь терпеть не могу. Да все евреи мира во сто раз лучше его... Эх, и зачем я не повесился на Эйфелевой башне в сороковом году?

— Я бы тебя и на Спасской башне не повесил... — честно признался ему российский диктатор. — Мараться не хочется.

— Наш спор еще не окончен!

— А о чем мы с тобою спорили? Правильно — о вожизме. Кто главнее! После тебя я окончательно стал вождем всех времен и всех народов. Так что не спорь... Мы с тобой вошли в историю как создатели собственного рая и ада...

Спящего словно что-то толкнуло. Нервы. Он приоткрыл глаз:

«Что за дурь голову мутит? — с опаской подумал он, прислушиваясь к ночным шорохам. — Все нормально... — тут же он сам себя успокоил: — Продолжаем спать... Мы страна победившего соцреализма! Поэтому все эти сновидения — хиромантия буржуазной отрыжки... — скомандовал он самому себе. — Это совесть кошмарит мой разум... Спи, разум, спи... Совесть тебя не пробудит, и зверь из бездны не придет, потому что он сам меня боится. Он знает, что я с ним здесь сделаю, если он сюда зайдет по мою душу... Тот, кто стал земным богом, может уже „своих“ не опасаться...»

Недосказ лучше чем пересказ...

— Я имел такую власть, — признался нацист, потащив его обратно в бред сновидения, — что мог бы, наверное, при желании отменить закон всемирного тяготения... — Он беззаботно поболтал ногами, стряхивая с них прах земного бремени. — Да, абсолютная власть порождает ощущения того, что политик может все, даже жить, презирая законы гравитации...

— А я так и поступил, — скромно заметил кремлевский мечтатель-реалист. — У меня многие жили, под собою не чуя страны. Потому что жили с ощущением того, что живут над открытой бездной...

— Вы читали мою «Mein Kampf», эту великую историю моего успеха? — поинтересовался у него германский гость. — Вижу, что не читали. Так вот, когда я ее писал, то тоже находился словно в параллельной реальности. Эйнштейн хотя и еврей, но прав, наша реальность относительная. Законы геометрии можно менять в зависимости от политической целесообразности.

— Похоже, что так. Закон гравитации создавался точно не для нас. — Не стал ему на это даже и возражать красный диктатор. — Висельники это знают наверняка. Быть висельником даже неплохо — на все можно смотреть свысока и, как в случае с этим вонючим англосаксом, гадить на всех, уже не опасаясь уголовной ответственности. Мне нравится моя безответственность. Для меня это есть высшая форма свободы. Особенно свободы от совести...

— Вы правы. Совесть нам действительно ни к чему! Совесть — это ненужный груз, от которого следует своевременно избавляться тем, кто метит во власть. Власть

есть ложь одних о том, что они творят благо во имя всеобщего счастья, и вера других в то, что это счастье возможно. Тяжелее всего живется совестливому человеку, которому приходится постоянно спотыкаться об хаос грехов бессовестных людей. Аморализм всех против всех — вот что такое политика.

— Надо будет свой «Майн кампф» написать, — решил красный диктатор. — Особо о том, как я в молодости царские банки громил. Вот времечко было! Нет, что ни говори, а политики, которые вышли из грабителей, лучше тех, что пришли в нее из воров. Они гораздо более культурнее, что ли... Они гораздо более целостные натуры...

— А как быть тем, кто пришел в мир большой политики из мира искусства?

— Этих бездельников вообще следует расстреливать без суда и следствия на месте... Но больше всего мы должны опасаться философов. Эти могут любую глупость превратить в идеологию. Этих надо растворять в серной кислоте до молекулярного уровня.

Вот мы с вами — великие политические лидеры, высшие руководители своих держав, элита элиты, потому что можем эту самую элиту тасовать, как колоду карт, прекрасно зная, что эта крапленая колода собою представляет. Но большинство свято верит в то, что эта действительно элита, то есть самые лучшие и честно избранные. Для нас они дерьмо — мошенники, наиболее удачно забравшиеся во власть. Для народа — они небожители, оставившие на земле свои рога и копыта, чтобы честно служить своему народу.

Если бы не было совести, я был бы президентом мира. Вас бы назначил канцлером, а его, — он указал на истопника, все еще подкладывавшего дрова в воображаемый им костер, — даже сторожем не взял...

— Что? Не внушает доверия?

— Совершенно отмороженный тип. Думает, что он пуп земли, а по мне — он так и полная задница...

— Надо было мне все-таки вначале с ним разобраться, — посетовал нацист. — Ну, ничего, в следующий раз не ошибусь...

— Вы полагаете, что у вас будет «следующий раз»?

— А вы что, не верите в великую силу политической реинкарнации? Мы с вами, коллега, не просто из одного теста. Мы с вами есть единое целое великого и ужасного демона, имя которому «Власть». Бог придумал религию, чтобы исправить засевший в человеке грех, а дьявол дал ему политическую власть, чтобы он греховным могуществом своим никогда не достиг совершенства...

Бог создал святых, дьявол — политиков...

Какая-то мошка залетела диктатору в нос и, пропищав что-то противное, полезла куда-то в его внутренние органы.

— Тьфу, зараза! — Поморщил он нос. — Еще эти твари лезут не в свои дела...

Он присмотрелся. Вокруг них действительно носился какой-то странный рой. Повсюду шныряли какие-то странные существа, приглядевшись к которым первый висельник понял, что это самые настоящие ведьмы, устроившие вокруг них свой развеселый шабаш. Они догоняли совершенно нагих грешников и пронзали их тонкими острыми колышками, похожими на американские булавки.

«Гм, так вот откуда у америкосов пошла привычка в зубах ковыряться!» — невольно подумалось ему.

— Ты помнишь этих ведьм? — неожиданно спросила его коричневая берлинская крыса. — А они тебя узнали. Они нас помнили все это время. Они нас не забыли... Зря мы не послушались с тобой тогда Босха... Ой, как зря...

Первый висельник презрительно выплюнул забравшуюся в него «мошку», предварительно разжевав ее зубами.

— Я этих тварей всю свою сознательную жизнь травил и душил! — брезгливо изрек он с заметно усилившимся кавказским акцентом.

Нацистская крыса озабоченно принюхалась:

— Ой, что-то серой изрядно попахивает!

— Да нам с тобой не до запаха сирени! Поздно, привыкай к сероводороду. У нас говорят, что в СССР его пруд пруди. На каждого русофоба своя припасена скважина...

— А что гуманисты нас адом пугают? Что нам ада бояться? Там ведь все свои. Все бесы служили или в СС, или в НКВД. И как нам только удалось с тобою их всех там собрать?! Так что не беспокойся! Устроимся и там на тепленьком местечке, еще и не раз в геополитические шахматешки черными втемную сыграем... Нам ли с тобою ада бояться? Все тут лживо, все тут по-нашему...

* * *

Он очнулся в холодном поту и поспешно протер глаза, стараясь сбросить с них следы кошмарного сновидения. Он спал всего лишь четверть час. Можно сказать, даже не спал, а так слегка прикорнул. В последнее время ему вообще плохо спалось.

Бред из сна так сильно потоптался на его лице, что страх не отпускал его ни на секунду. Он сел на край постели, опустив босые ноги на холодный пол.

— Пора вставать... Сегодня первомайский парад. Народ должен меня видеть бодрым и радостным. — Он символически забросил опять свою совесть на дальнюю полку разума и подошел к столу. — Я все равно победитель: Гитлер капут! А с этим толстым, — он вспомнил беса в черном смокинге и с сигарой в зубах, который в его сновидении подкладывал дровишки в костер адских мук его совести, — мы еще повоюем. У него тоже совесть глубоко зарыта. Мы-то знаем, что два бессовестных политика договорятся вперед двух совестливых гуманистов...

На столе лежала принесенная накануне из музея оружейной палаты Московского Кремля шапка Мономаха, которую он намеревался примерить, но так и не решил этого над собою сделать.

— Я ее изнасиловал бы своей головой! — пришло ему невольно на ум. — Но если не я, то кто?! — Он усмехнулся. — Выйти сегодня на Мавзолей в ней, и пусть хоть одна собака тявкнет по этому поводу! Ведь никто не возразит! Все, напротив, будут меня упрекать в том, что я раньше этого не сделал! А после смерти еще и в Мавзолей рядом с этим картавым положат... Я — победитель, хоть и по локоть в крови! Победителей не судят, но победу их могут завистники отсудить... Ох... — тяжело вздохнул диктатор, вспоминая известные слова из «Горя от ума»: — «Минуй нас пуще всех печалей // И барский гнев, и барская любовь». Любовь холопов всегда будет удавкой на шее их барина. Большой угрозы, чем любовь холопов, для политиков не существует...

— А что этот выродец давеча нес насчет Босха? — вдруг вспомнил и еще больше нахмурился диктатор. — На что это он там намекал? — В комнате повисла тревожная пауза, и кровь напряженно застучала в его висках. — Босх! Знал я одного Босха, в пятнадцатом веке жил... — Он шаркающей старческой походкой подошел к стеллажу с книгами и начал что-то искать на ней своими цепкими глазами. — Ах вот он, старый развратник... Давно я не брал в руки его демонов. — Он вытащил увесистый фолиант по искусству эпохи европейского Возрождения и тяжело бросил его на стол. — Босх... — Начал он листать тяжелые страницы. — Когда-то я был им заморожен... Даже, помнится, в Вене как-то час простоял возле его «Страшного суда»... Вот она, эта его картина. — Вождь склонился над репродукцией и внимательно

но ее рассмотрел. Что-то знакомое и давно забытое начало постепенно всплывать из глубин его памяти и, проявляясь в ней, формироваться в некий единый образ.

И тут его вновь толкнула неведомая сила. Он вспомнил все, что произошло за тридцать два года до описанной нами ночи. Но эта была история словно из другого мира, из другой его жизни. Это была история о совершенно других людях, которых неведомая случайность свела у одной таинственной картины...

* * *

Вена, Академия изобразительных искусств, январь 1913 года.

В пустынных залах венской галереи у картины голландского мастера пятнадцатого века Иеронима Босха каждый день одиноко стоял молодой австрийский художник и завороженно не сводил с нее глаз. Картина «Страшного суда» притягивала и манила его своей грандиозной перспективой и необъятной мистической глубиной.

Каждый день он стоял один лицом перед бездной и наслаждался своим экзистенциальным одиночеством. Но вот в тот день из темной глубины коридоров послышалась шаркающая каторжная походка. Художник обернулся, надеясь увидеть старого зрителя, но вместо него он увидел молодого мужчину лет тридцати с роскошными черными усами и такой же густой шевелюрой волос. Незнакомец приблизился к картине и, словно не замечая его присутствия, тоже впился в нее глазами. Кем был этот чернявый незнакомец? Как выяснилось чуть позже — революционером из России, романтиком с большой дороги. Он ощущал себя бунтарем и писателем и решил пройтись по Вене в будний день, чтобы размять свои затекшие после долгой работы кости. Два месяца он корпел над рукописью своей первой научной статьи, и вот сегодня — долгожданная свобода! Он ее завершил и мог теперь взглянуть на мир своим освобожденным взором.

В первый раз взглянув на картину, «русский» в страхе перекрестился.

— Ну, надо же! Страх Божий!

— Ты что?! — осуждающе зашипел на него австрияк. — Бога же нет! Он умер! Ты что, Ницше не читал?

— И в самом деле! Что это я?! — сам пристыдил себя пришелец. — Прости! Не буду больше. Это было в последний раз... А Ницше вашего читал... Мудрый профессор... Наши его тоже многие уважают. — Австриец снисходительно ему улыбнулся в ответ. — Слышал о нашем пролетарском писателе Максе Горьком? Так вот, даже из-за него стрелялся... А сейчас усы отпустил точь-в-точь как у него...

Пролетарских писателей австриец не читал, но на почве общей любви к Ницше признал в чужаке своего. Они заговорили и познакомились.

— Здесь собраны все сокровища мира, — пояснил приезжему австрияк, — но самое главное — вот эта картина. Она одна стоит всех! Но эта суперэлитарность открывается только для посвященных. Созерцая ее, ты нутром ощущаешь боль нашего падшего мира! Пойми, «русский», последние столетия мы живем в эпоху заката Европы, и ныне наступает его пик... Европа больна. Европа обречена. Европу надо спасти. И спасти ее придется нам. Если не мы, то кто? Мы — последняя надежда Европы. Мы погибнем, погибнет и Европа... Глядя на Босха, ты ощущаешь, как бесы живьем сдирают с тебя кожу своими раскаленными клещами... В суете городов ты этого не поймешь и не ощутишь... А здесь, только здесь ты один на один с неизбежностью... Ты почувствуешь ход истории лишь тогда, когда вся сталь ада будет у тебя торчать в заду!

— Ты прав, Ад-Ольф! — вынужденно согласился тот, вздрогнув при упоминании слова «стали». Он взглянул на торчащую у него из кармана только что написанную

рукопись под названием «Национальный вопрос и социал-демократия» и подумал: «И зачем я только подписался этим новым псевдонимом? Этот адский Ольф попал в самую точку...» — и, поборов в себе робость, обратился к собеседнику: — Ты, Алоизович, специалист по этим картинкам... Объясни тогда, зачем ты, атеист, стоишь и разглядываешь всю эту лабуду?

Австриец тяжело вздохнул и развел руками:

— Смотри сам... Здесь все давно, до нас написано...

Перед ними был знаменитый триптих Босха «Страшный суд». Картина словно была энергией. Все верили, что ад и рай именно такие, какими их увидел и изобразил живописец. А реально то, во что верит человек...

— Для меня эта картина — окно в другое измерение... — признался австриец и начал с увлечением рассказывать о тайных смыслах живописи великого голландского мистика. Оказалось, что этих смыслов в нем как листьев в капусте.

— Взгляни, и ты узришь все сам... — Начал экскурсовод свой поход по воображаемой действительности. — На левой створке триптиха изображена история Рая — рождение Адама и Евы, их грехопадение и изгнание из Рая. Но я вот о чем думаю, дьявол соблазнил человека в Раю и вместе с другими падшими ангелами был тоже изгнан из райских кущ сюда, на землю. Значит, он ушел из Рая вместе с человеком и продолжает сопровождать его род здесь, на земле, и пункт назначения к которому он нас всех ведет — это ад... На правой створки изображен ад, в котором пребывает большая и не самая лучшая часть человечества. Чудовищные ведьмы-дьяволицы убийц поджаривают на сковороде, скупцов запекают в очаге, гневливых, будто мясные туши, подвешивают на крюках... И всюду обжигающий адский пламень, стелания и скрежет бесовских зубов. Обрати внимание, — продолжал самозабвенно рассуждать о таинствах искусства молодой художник, — сколько грешников в аду и праведников в Раю. Райские пуши пустынь, а адские копи забиты. Рай пустынен потому, что после изгнания из него Адамы и Евы в нем некому оказалось жить. Отбор во святые слишком строг, тогда как во грешники — добро пожаловать всем, кому не лень! Праведники лишь приближаются к нему, — он указал на рой слабо различимых фигур, размещенных художником сверху картины «Рая», — но еще не в нем. Кучка праведников против толпы грешников. Праведниками правит Господь, грешниками управляют их грехи... Но эта кучка не просто противостоит этой массе, но и одерживает над ними победу. Организованные единицы всегда сильнее неорганизованных масс большинства.

Австриец рассказывал взахлеб, и по всему было видно, что эта новая для него роль оратора-экскурсовода доставляет ему неопишное удовольствие. В какой-то момент ему даже показалось, что он впал в своего рода экстаз. Тогда он закатил в испуге глаза к потолку и начал отрывисто жестикулировать руками.

— Во дает! — сочувственно покачал головой гость из далекой России. — Я так никогда не смогу...

— Но самое главное не в этом... — вдруг уж совсем разоткровенничался художник. — Самое главное, как научиться руководить этой толпой грешников, раз ты сам не в состоянии стать праведником... Необходимо овладеть искусством манипуляции толпой и тогда... Вы читали труды французских психологов Гюстава Лебона и Габриэля Тарда? Нет? Рекомендую, коллега, рекомендую! Вот где вся тайна власти над толпой! Вот где, смысл бытия высокого политического идеала!

Он еще многое чего ему тогда наговорил. Половину слов усатый гость из России так тогда и не понял. Да это и не нужно было ему понимать. Главное, что он увидел снова ад, о котором после того, как ушел из семинарии, больше не вспоминал и понял, что их действительность недалеко ушла от тех его мистических реальностей.

«Все, что было попами обещано в аду как вечные муки, уже человек творит на земле... — невольно подумалось ему. — Дьявол действительно готовит нас к наступлению его реальности... Раз мы режем и грабим друг друга, значит, мы осуществляем его план... Но почему тогда от нас отвернулся Бог?»

Художник еще долго рассуждал о Ницше и Босхе, убеждая его пойти с ним сегодня вечером в оперу на Вагнера. Но у «русского» не оказалось, ни времени, ни денег, и они расстались добрыми друзьями, договорившись встретиться завтра снова. И как знать, как бы сложились их дальнейшие судьбы и каким путем дальше пошел закат Европы, если бы на следующий день усатый «русский» не был срочно вызван телеграммой в Петербург и не отбыл вечерним поездом навстречу своей революционной судьбе...

* * *

Эпilog.

Красный диктатор оцепенело сидел и не мог подняться с дивана. Раскрытая книга валялась сброшенной со стола на полу и картины Страшного суда сами лезли теперь в его мозг.

— Мы, оказывается, еще тогда были уже приговорены и повешены, — бурчал он себе под нос, то и дело прикрывая воспаленные от бесконечной бессонницы глаза. — Нам вынесла приговор эта самая картина. Это мы на ней... Это нас ведьмы гоняют и тиранят... А ведь я сдержал данное ему тогда обещание... — признался самому себе вождь всех времен и народов. — Ведь я с того раза больше ни разу не перекрестился... Быть может, именно поэтому мне не дается эта шапка... — Он вновь взглянул на лежащую на столе шапку Мономаха. — Есть кое-что, что и мне не подвластно... — грустно признался он. — Трудно быть святым, а еще труднее выдавать своего демона за святого...

А за окнами был уже праздничный Первомай.

Шабаш ведьм из прошлого прошел. Наступал другой...

ТРУТЕНЬ

Профессор Охаяси был в отчаянии, граничащем с начинающейся в его душе паникой. Оставалось двадцать минут до начала лекции, а его дрон-двойник оказался неисправленным. Он беспомощно валялся в кресле и не подавал никаких признаков своей электронной жизни. Вышел из строя в самый неподходящий момент. И, как назло, под рукой не оказалось инструкции по его ремонту.

— Вот сволочь! Нашел когда ломаться!! И кто только в министерстве придумал эту дрянь!!! — в сердцах ругался док, пытаясь судорожно что-то починить в вышедшем из строя агрегате. — Как он не вовремя навернулся! Когда не надо — доставал своими глупыми вопросами, а когда надо — взял да и сдох... Проклятие! Я с ума сойду от такого научно-технического прогресса!

Два года назад Министерство образования и науки Японии ввело новое правило: отныне лекции в университетах читать должны не сами профессора, а их роботы-двойники. Ученые лишь только оттачивали текст лекции и обновляли научные данные. Всю пыльную техническую работу в аудитории выполняют за них роботы-чтецы. Удобно, экономично и выгодно с точки зрения сбережения интеллектуальных сил. Абсолютная оптимизация учебного процесса, в духе философии Дао Тоу-

ота. Предполагалось, что освободившееся время преподаватель может потратить на новые научные изобретения и духовное самосовершенствование. Эксперимент уже два учебных сезона работал в ведущих университетах страны и начал приносить обнадеживающие результаты. Но были, как вот только что выяснилось, и некоторые неприятные форс-мажорные обстоятельства.

Обычно за исправностью робота-дрона следил его ассистент Кобаяси. Но профессор сам накануне отпустил его на научную конференцию в Новосибирск и теперь не знал, когда тот вернется из заснеженной России. Все, как всегда, не вовремя, и все, как всегда, некстати. Не просто «ай-ай-ай», а «ух ты, е прст!» Короче — настало время паники, и причем самой ужасной паники.

— Что делать? Что делать!! — то и дело в отчаянии восклицал ученый, чувствуя, как безвозвратно тают секунды убегающих от него минут. — Декан Ямамото меня сейчас порвет, когда узнает о том, что я сорвал занятие! Он это умеет! Он это любит! — Пришел он уже в полное замешательство, чувствуя, как гены самурая потянули его руку к висевшему на стене ритуальному мечу катана. — Нет, это не выход... — Тут же отдернуло его руку чувство самосохранения. — Видать, придется самому идти читать лекцию... — ужаснулся он. — Авось никто не заметит... Боги! — взмолился синтоист. — За что мне такое наказание?! Я уже и забыл, как это раньше делал!

Он обреченно взглянул в бесстрастное лицо робота и успел отметить, что два года назад, когда с него делали точную копию для него, он выглядел значительно моложе и был значительно свежее.

— Вот что годы с человеком делают... — В сердцах покачал головой профессор, судорожно собирая на столе какие-то бумаги.

Счастливый мир успешного ученого рушился теперь на его же собственных глазах. Комфортная жизнь на диване трагически оборвалась банальной технической поломкой. Пришлось идти на растерзание студентам. А Охаяси уже успел действительно позабыть, как это делается. Его охватил тот самый трем, который он испытывал, когда двадцать лет назад впервые вошел в студенческую аудиторию на свою первую лекцию. И вот опять все сызнова. И как это было трудно заставить себя вновь встать за кафедру! Всегда приходится себя ломать, когда по принуждению возвращаемся к старому.

Он не помнил, как вошел в аудиторию. На студентов боялся даже взглянуть. После двухлетнего перерыва чтения лекций ему приходилось теперь ломать себя через колено. А раньше он просто парил мыслью по лекторской зале, купаясь в лучах своей научной славы, исходящих из широко раскрытых глаз его благодарных слушателей. Теперь он не мог и с места сдвинуться. Встав за кафедру, он обнял ее двумя руками и больше не выпускал из своих объятий. И этот «спасательный круг» придал ему силы, и он кое-как начал выкарабкиваться из трясины несчастья.

По существующей в университете традиции сидящая перед ним аудитория студентов делилась на три разряда: на первых рядах сидели патологические «отличники», по центру — «хорошисты-пофигисты» и «троечники», а на задних рядах — безнадёжные «тунеядцы-двоечники».

Охаяси собрал в единый кулак свою волю и начал по памяти читать давно отработанный им материал. Не все выходило гладко, но для сложившейся патовой ситуации это было даже неплохо. Не хватало только уверенности. В какой-то неловкий момент его память дала осечку, и он замялся, и он «споткнулся». Мысль его оборвалась на полуфразе, память беспомощно повисла на обрывках информации. Студенты только этого и ждали. Они никогда не прощают своим мучителям подобные слабости.

— Все... Завис... — послышалось откуда-то из аудитории.

— Мне он еще в прошлый раз показался дефектным... — подхватил второй голос.

— Не нужно было тыкать в него отверткой! — вынес кто-то третий суровый приговор. — Опять контакты отошли...

Лектор взглянул в ту сторону, откуда доносились эти гнусные голоса. Трое наглых очкариков-отличников с претензиями на гениальность уже тянули к нему свои руки, намереваясь с ним что-то сделать. Профессор вопросительно взглянул на аудиторию — она никак на это не реагировала. На средних рядах «хорошисты» распивали пиво и играли в покер, на задних рядах brave самураи бесцеремонно тискали какую-то самурайку, настойчиво склоняя ее к групповому сексу. Спасения не было — «отличники» грозили его распотрошить на запчасти и выкинуть как устаревшую модель на свалку технической истории. Профессору стало хреновато...

Медлить было нельзя, тем более что кто-то из «отличников» вместо отвертки достал уже вакидзаси, намереваясь им что-то в нем вскрывать и отвинчивать.

— Банзай! Отставить! — неожиданно сам для себя скомандовал Охаяси, и студенты невольно испуганно отпрянули назад.

Профессорский мозг начал судорожно концентрировать мысли, ища правильный вариант поведения. Он вспомнил все, что знал до этого. Ну, почти все... Знание вернулось к нему через испуг, и он выдал им все, что знал. Публика была шокирована.

— Его все равно надо отрегулировать... — не унимался один из отличников. — Видите, как он спешит, ничего нельзя толком разобрать...

— Сейчас отформатируем, как новенький будет! — пообещал самый умный, решив «взбодрить» лектора электрическим зарядом из соседней розетки.

Профессор схватил его за руки и отобрал у него инструмент.

— Если не угомонишься, ублюдок, я сам тебя порешу! — сурово изрек он ему в лицо, изобразив гримасу ярости и криминальной решимости.

— Роботы не должны угрожать жизни человека! — запротестовал тот, вспомнив один из основополагающих законов робототехники. — Это незаконно!

— Человеком надо еще стать! — парировал док его довод. — А вы ведете себя как варвары, на которых не распространяется ни один из существующих научных законов, потому что варвары живут вне поля их действия... Если не хочешь, — пригрозил он смутьяну, — чтобы я лишил тебя статуса человека, сядь на свое место и заткнись...

— Он слетел с катушек! — завопил другой отличник. — Его нужно срочно утилизировать! Он стал опасен для человечества!

Охаяси грязно выругался и принял стойку из конфу обороняющегося богомола.

Пока в лекционной аудитории происходили описанные нами события, в кабинет отбывшего на растерзание студентов профессора вошел декан их факультета Ямамото и предложил сидящему в креслу дронку выпить sake. Робот никак не отреагировал, хотя должен был бы это сделать. Декан повторил свое предложение. Дрон молчал. Декан озабоченно пощупал ему пульс. Его на месте не было.

— Тьфу ты! — выругался декан. — Опять его с роботом перепутал! А ты чего тут расселся! — крикнул он на умную машину. — Иди работать! Время пришло! — И он бесцеремонно пнул его ногой в бок.

Робот очнулся, словно он о чем-то напряженно все это время размышлял, и, пожелав здоровья своему высокому начальству, послушно отправился выполнять свой профессиональный долг.

Именно в это время косивший под него профессор пытался утихомирить своих взбунтовавшихся студентов-отличников, на все лады обсуждавших его конструктивные недоработки. Доводы его были красноречивы, но не убедительны.

Неожиданно лектор запнулся и посмотрел туда, куда устремились все взгляды студентов его аудитории. В дверях стоял робот и туповато глядел на него.

«Сам починился...» — успела промелькнуть в его мозгу первая догадка.

— Самозванец! — завопил неожиданно робот, указывая пальцем на Охаяси. — Держи вора!

Студенческая аудитория недоброжелательно взглянула на Охаяси, почему-то дружно перейдя на сторону его дрона.

— Ах, он еще и не наш! — воскликнул самый продвинутый отличник. — Шпион! К нам его подослали!

Профессор понял, что пора уносить ноги. Он вскочил на подоконник раскрытого окна и решительно ринулся вниз (хорошо, что аудитория была на первом, а не на последнем этаже их университета).

— Сам дурак! — успел он бросить в лицо роботу, скрываясь в кустах зелени.

Аудитория растерянно заморгала глазами. Большинство студентов было явно не готово к тому ходу событий и не ожидало увидеть сразу двух профессоров, один из которых предпочел почему-то панически ретироваться, выбросившись в окно.

— А что я ему мог еще сказать?! — Пожимал плечами док, возвращаясь окольными путями к себе в кабинет. — Сказать, что я его заменял, пока он был в отключке? Ха-ха! Что за чушь! Кто мне в это поверит?

Он вернулся на свой любимый диван и в ожидании своего робота с лекции налил себе sake. Обычно дрон приходил и докладывал ему о поведении студентов и успешно прочитанном материале. Но на этот раз вместо робота к нему в кабинет ворвался наряд полиции и заломил ему за спину руки.

— Что вы делаете? — возмутился потерпевший. — Я профессор Охаяси!

— Нам поступил сигнал, что вы незаконно пробрались в здание университета... — сообщил ему полицейский, конвоируя его в свою служебную машину.

— Это он! Самозванец! — Услышал профессор голос своего робота-двойника, который стоял с другими полицейскими и что-то живо им объяснял. — Он посягнул на мое рабочее место за кафедрой! Я этого так не оставлю!

— Вот сволочь! — в сердцах воскликнул профессор. — Это же бунт машин!

Но служители Фемиды были непреклонны и глухи к его стенаниям. Голос живого разума не действовал на их должностные инструкции. Они поспешно заключили мошенника под стражу и пообещали впаять ему солидный тюремный срок.

— Он узурпировал мои права человека! — возмутился арестант по дороге в полицейский участок. — Кто тут главный: он или я? Кто получает зарплату, тот и главный! — Сам для себя сформулировал вопрос и тут же сам на него и ответил. — Я вложил ему в его электронную башку информацию, я его создатель! А он всего лишь мой суфлер! Он устареваешь морально быстрее, чем я устареваю физически... — продолжал агрессивно аргументировать свое превосходство ученый. — Я вправе его изменить, а он меня нет... — Обида просто застилала ему глаза и сдавливала грудь; обида стучала в висках, форматируя его научную мысль. — Или все-таки он меня тоже меняет? — Профессор призадумался. — Ну, да... конечно... Я стал ленив, он все делает за меня... Да, да... Я обленился по его вине! Главное, что он сотворил со мною, сделал меня благодушным и пассивным... Нет, он тоже как-то на меня влияет, но в этом я сам же и виноват... Я стал трутнем... — сам себе признался Охаяси, припоминая, что слово «drone» по-английски значит «трутень». — Фактически все эти годы дроном был не он, робот, а я — человек... — пришел он к неожиданному для себя выводу, видя, как полицейская машина увозит его от стен любимого университета.

Да, очень, очень жаль профессора Охаяси. Влип так влип. История и впрямь, скажем, скверная. Но, возможно, он сам виноват в том, что не до конца дочитал ин-

струкцию по правильному использованию своих мозгов. От того и погорел. От того и просидел несколько суток в полицейском участке, пока полиция не разобралась, что к чему, и не освободила его. Но за это время робот-двойник написал за него заявление об уходе из университета и отправился в Лас-Вегас оттягиваться в местных казино. Кто-то даже утверждал, что он в пух проигрался там в рулетку. Так что и роботам ничто человеческое бывает не чуждо, когда в них происходит системный сбой и когда сам человек уподобляется роботу...

ПРАКТИКАНТ

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись...»

Эту прописную истину из «Баллады о Востоке и Западе» английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга решил опровергнуть один невзрачный бомж, ранним утром пятницы 13 декабря поспоривший с одним итальянцем на Мальорке о том, что будет, если Восток и Запад все-таки сойдутся вместе.

Достопочтенной публике известно, что туристы на Мальорке по неписаному правилу делятся на две категории — пьющие и непьющие (последних всегда явное меньшинство). Второе неписаное правило гласит: на востоке острова пьют и отрываю-тся только немецкие туристы, на западе острова — только английские. И желательно для спокойствия местных жителей, чтобы обе эти пьющие туристические группировки никогда не встречались. Но случилось так, что выпивка не развела, а, наоборот, свела, и причем не к добру, эти два враждующих мира. Свела так, что дело дошло до массового побоища.

Две разгоряченные спиртными напитками толпы сошлись на центральной площади под окнами особняка одного французского олигарха, отдохавшего в это время на острове. Причина бунта? Самая банальная: где-то кто-то кому-то почему-то за что-то что-то сказал обидное. Этот кто-то не на шутку обиделся и позвал своих друзей, те своих, а эти свои — еще других своих и т. д. и т. п. Ситуация не просто пошла и поехала, а сорвалась со скоростью взбесившегося принтера. В общем, прямо под окнами француза, предлагая ему бесплатное развлечение, собралась неадекватная толпа еврохулиганов и принялась уничтожать свое европейское достоинство.

Давние обиды пьяных англичан на обожравшихся немцев и «гордых дойче» на «великолепных бриттов» привели к массовой потасовке, в которой французский зритель чувствовал себя победителем, если бы не одно большое и противное «НО». Пока французы беспечно глазели с балкона и подначивали дерущихся, американская мафия итальянского происхождения вскрыла их сейф, в котором легкомысленные галлы хранили свои драгоценности.

— Лопухи! — высмеял их наивность главарь налетчиков, проворно опустошая их сокровищницу. — Что за идиоты! Придурки! — презрительно бросил он в сторону дерущихся, когда уже выходил с награбленным из французского особняка.

Мафиози поспешно сели в авто, и оно с визгом дымящихся покрышек рвануло с места в карьер. Но не успели они скрыться за углом, как раздался громкий удар и звук бьющегося стекла. Машина налетела на непреодолимое препятствие в виде железобетонного блока, положенного прямо посередине проезжей части дороги.

— Какая сволочь поставила здесь этот «кирпич»?! — в сердцах охнул главарь мафиози, теряя сознание. — Его же здесь пять минут назад еще не было...

К разбитому авто осторожно подошел ничем не приметный бомж, с которым итальянец утром опрометчиво заключил пари о возможной встрече «Востока» и «Запада»,

и аккуратно вынул из бандитских рук саквояж, набитый французскими побрякушками. Воровато озираясь по сторонам, похититель спешно покинул место происшествия и, обоходя стороной площадь, на которой все еще бушевала драка англичан с немцами (или немцев с англичанами!), присел на лавочку в тихом скверике за углом.

— Задание выполнено... — доложил он второму бомжу, ставя рядом с ним на лавочке принесенный саквояж.

— Зачет... — лаконично и загадочно произнес тот ему в ответ, беззаботно напевая «*La Balanguera*» (национальный гимн Мальорки). — Можешь отправляться теперь домой... Две недели отпуска...

— Спасибо, товарищ майор! — Цокнул первый каблуками своих разбитых ботинок. — Вы тоже со мной в Москву?

— Куда там! У меня еще командировка в Вашингтон и Буэнос-Айрес... — устало отвечал второй. — Еще не все из вашей группы зачет по практике мне сдали...

И бомжи расстались. Растворились в серых сумерках зимнего вечера Пальма-де-Мальорки, словно их там никогда и не бывало. А дерущаяся под балконом французского олигарха пьяненькая толпа граждан Европейского союза так никогда и не узнала, что стала жертвами «развода» зачетной сессии выпускного курса ГРУ ГШ ВС России...